

В. Н. МУРАВЬЕВ

Из архивных заметок

МЕСТО ФЕДОРОВА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ¹

<...> Русская мысль была и имеет в нашей истории определенную свою традицию. Что же можно сказать об ее направлении в наиболее общих чертах?

Прежде всего, поражает замечательное тождество проявления этой мысли — цели ее, области и характера во всей нашей истории, начиная с древнейших времен и кончая современностью. При этом одинаково в представителях крайнего русского стремления к святости и к насилчанию всех основ, в наиболее интенсивных мистических исканиях и в самом грубом и задорном атеизме. Мысль русская была и есть всегда *религиозной*, во-первых, и во-вторых, религиозность эта всегда есть преимущественно искание *Царства Божьего*. Мы находим эти черты у самых древних русских духовных писателей, в русском эпосе и сказаниях, в особенности же в творчестве различных ересей и сект, где идея Нового Иерусалима всегда была преобладающей. Самое крещение Руси и то всеобъемлющее значение, которое получило православие, есть стремление самых отдаленных наших предков построить действительно, здесь, на русской земле, то царство, о котором поведали русскому народу христианские миссионеры. И вся история отношения Церкви к власти, участия ее в строительстве государства, неразрывная связь религиозного, национального и государственного начал объясняется этой верой русских людей, что в христианстве обретаена истина и что эта истина должна лечь в основу всей жизни. Наиболее яркое проявление эти настроения нашли, с одной стороны, в мессианистических учениях, обосновывающих русское государство в виде всемирной идеальной, христианской монархии в конце XVI века (идея 3-го Рима, Филофей). С другой же стороны, эти идеи в русских людях, недовольных действительностью, приняли характер искания царства Божьего где-то в дру-

гом месте — на дне Китежа озера, в далеком Иерусалиме, в Царстве пресвитера Иоанна. Одно из последних проявлений этого направления видится в путешествии уральских казаков в Онежское царство, в надежде найти мифическое Беловодское царство.

В современной же русской культурной мысли, начиная с начала XIX века, эти же черты сказываются во всех почти течениях, даже наиболее противоположных, исходящих из самых различных мировоззрений. С одной стороны, идет традиция русской революционно-либеральной мысли, исходящей из атеистически-материалистических представлений. Весьма характерно, что это течение нимало [не] подобно таким же европейским направлениям, сохраняющим либеральный характер. Уже у декабристов либерализм переходит в установление идеального, даже религиозного устройства государства (влияние масонства), затем очень быстро начинается уклон в сторону социализма, и к концу XIX социализм является господствующим направлением русской оппозиционной мысли, и не случайно обе русские революции доказывают крайнюю слабость либерального мировоззрения и силу социалистического. Это объясняется тем, что *социализм есть своего рода религия* и представляет не что иное, как перенесение в атеистическо-материалистическое мирозерцание все того же старого искания царства Божия. Последнее мыслится как осуществление человеком правды на земле.

Противоположное направление русской мысли — религиозно-идеалистическое — также выдвигает на первый план идею царства Божия на земле. Славянофилы рисуют идеальную картину этого патриархально-православного русского будущего. Достоевский продолжает их традицию. С другой стороны Соловьев возобновляет идеи Чаадаева, ища царства Божия уже не в православии, а в католической теократии. Толстой, несмотря на весь свой отрицательный пафос, также утверждает здесь, на земле, свой идеал царства Божьего.

Все эти направления скрещиваются в философии Федорова, сочетаются в мощный и впечатляющий синтез.

ИЗ ФИЛОСОФСКОЙ МИСТЕРИИ «СОФЬЯ И КИТОВРАС»²

<...> Итак, мы можем сказать, что здесь перед нами архитектурная попытка воплотить великую и бесконечно глубокую мысль русского народа.

С<офья.> Не та же ли это мысль, что была выражена в царстве Иоанна³ и даже искажена у имеславцев? Не церковь ли это Соловьева, не соборность ли это славянофилов и Достоевского?

К<итоврас.> Да, и обычная мысль до сих пор при лицемерии этого храма останавливалась на убеждении, что он — символ той церкви, о которой говорило наше богословие, наука и философия. Но мы видели изъяны этой церкви, ее ложную природу. Не отвергая ее, мы должны углубить, лучше осознать всю содержащуюся в ней идею, мысль. И тогда только мы поймем и то, чего является символом этот храм, последнюю глубину его творческого замысла. Это образ Церкви, но более совершенной Церкви, чем церковь Соловьева и Достоевского. Впрочем, не об отвержении их Церкви идет речь, а лишь об исправлении ее, о новом строительстве на старом фундаменте того, что провалилось ввиду неправильной постройки.

Я не буду повторять того, к чему пришли мы в отношении их идей. Напомню тебе только, что они не могли воздвигнуть прочного здания, ибо не было связи между двумя основными камнями их постройки: веры в вечность и проповедью единения и любви. Вечность обреталась где-то в потустороннем мире, любовь служила законом здесь, на земле. Но связь между этими двумя порядками явлений была искусственной, основана на чуде, постигалась верой, а не разумом.

Другое течение русской мысли, атеистически-материалистическое, исходило из осознания шаткости и неудовлетворительности такого основного построения исторического православия и связанной с ним религиозной философии и думало выйти из затруднения тем, что вовсе отбросило первый камень вечности и пытается строить исключительно на втором, на камне земной соборности. Вместо Царства Божия был выставлен идеал социалистического земного рая. Мы видели, что получилось. Необходимость первого камня доказана этим отрицательным опытом, и весь вопрос, как связать его со вторым, не впадая снова в старые ошибки.

С<офья.> Очевидно, здесь вопрос о правильном соотношении земного и небесного. Старая Церковь была небесною и презирала землю, социализм отверг небо. Но в чем примирение?

К<итоврас.> Его очень трудно постигнуть умом, воспитанным в наших философских школах. Их можно свести к двум главным направлениям. Первая — религиозно-идеалистическая, соответствующая преимущественному ударению на небесность Царства. Вторая — атеистически-материалистическая, переносящая центр тяжести всего строительства на землю. Оба эти направления, надо сказать, господствуют не у нас только, но и во всей западной мысли: и гнет их настолько силен, что до сих пор не было серьезных и успешных попыток его сбросить. Все же подвиды идеалистической или материалистической философии, исходящие из их основ, не могут найти выхода из тупика и повторяют в новых формах старые доводы, переносящие ключ Церкви либо на землю, либо на небо.

Правда, была сделана в конце XIX века одна попытка поставить вопрос по-новому, связать небо и землю посредством понятия *действия*. Это попытка так называемых прагматистов. Первый толчок был дан американской мыслью: сперва Пирсом, затем William Jams'ом, создавшим целую школу прагматистов. Новая философия имела шумный успех и нашла приверженцев во всех почти странах, проникнув даже в ряды католиков, под флагом модернизма. Несколько сходное течение имело своего провозвестника в лице Бергсона. Но прагматизм, несмотря на чрезвычайную силу его основного положения, что действие является критерием истины, нес в себе элемент чрезвычайной внутренней слабости — крайний релятивизм и субъективизм. Раз мое индивидуальное действие есть критерий истины, возрождается древняя протагорская мысль «человек есть мерило истины» и рухнет все объективное. В разгоревшейся страстной и ожесточенной полемической войне между философами абсолютистами и прагматистами последние не сумели отстоять свои позиции, вследствие этого основного их изъяна и бой в молчаливом сознании общечеловеческого философского мнения был выигран противниками прагматизма.

Другого конца и не мог иметь подобный прагматический индивидуализм.

Но есть замечательный русский мыслитель, который, идя вполне самостоятельным путем, нашел разрешение вопроса и становится тем самым пророком новой эпохи. Это Н. Ф. Федоров. <...>

<...> Новый мессианский акт, корни которого мы проследили в истории всех веков и всех народов, нашел в самое последнее время в России свое выражение более яркое и совершенное, чем где бы и когда бы то ни было. Это учение великого русского философа и пророка Федорова.

С<офья.> Но мы же согласились раньше, что высшее свое выражение акт этот нашел в христианстве.

К<итоврас.> Акт Федорова есть акт, вытекающий из акта Христа, объясняющий его и даже более — *дополняющий* его. Тем самым он, выполняя завет Евангелия, дает нам *новое* по сравнению с Священным Писанием. Это новое пророчество и новое благовестие. Сошлюсь на В. Соловьева, который назвал философию Федорова «первым движением вперед человеческого духа по пути Христову со времени появления христианства». <...>

